

Небосвод окрасился багровой полосой, напоминая о приближении ночи.

Для дворецкого Пьеро, который десятилетиями верой и правдой служил принцам и принцессам, этот вечер обещал быть не из легких. И дело было вовсе не в личной неприязни или ворчливом характере, а в том, что в подотчетный ему дворец вот-вот должен был прибыть третий принц, известный своим склочным и придирчивым нравом. Его высочество собирался провести целый год в отделении Серебряной Розы Имперской академии Феникс.

Третьего принца звали Хоман Мейн, и он был любимым, избалованным сыном королевы. Хотя в королевской семье он не считался самым одаренным, для большинства простолюдинов одного титула принца было достаточно, чтобы склонить голову в почтении. Однако это не мешало свите жаловаться на горькую судьбу.

Новоиспеченный помощник, вооружившись детектором, проверял уже сияющий чистотой пол и с ненавистью пробормотал:

— Скажите мне, зачем мы, выпускники ведущих университетов, прошедшие через огонь и воду, должны торчать здесь и натирать полы? Это же работа для роботов-уборщиков...

Дворецкий усмехнулся:

— А кто из нас не начинал с такого? Главное вот в чем... угодить третьему принцу ох как непросто!

Помощник удивленно округлил глаза:

— Третий принц так плох?

Дворецкий посмотрел на него с выражением лица, которое ясно говорило: «Как ты вообще здесь оказался, ничего не зная?».

— Принц... не то чтобы плох, — он огляделся по сторонам и, понизив голос, прошептал: — С самого рождения он был болезненным, словно недуг передался ему еще в утробе матери. Едва ходит, постоянно задыхается. А поскольку он младший, королева души в нем не чает, вот он и вырос с характером, да еще и привередлив, как заправский проводник.

— Проводник? — изумился помощник. — Я знаю, что у стражей обострены пять чувств, что они обладают невероятной выносливостью и являются гордостью империи. Но о проводниках слышал мало, кто они...

Для простолюдина было вполне естественно не знать о проводниках: в их среде они рождались крайне редко, и встретить их в жизни почти невозможно.

— Проводник обладает мощной духовной силой, способной направлять и поддерживать стража в бою, а также умирять его приступы ярости. Обычно стражи и проводники образуют

нерушимый союз, и договор об их связи — это клятва на всю жизнь, — лицо старого дворецкого на мгновение озарилось вдохновением. — Страж и проводник — как меч и ножны. Меч остер, но без ножен может поранить и владельца, и врага. А с ножнами — всегда под контролем.

Но меч остается мечом, созданным для битвы, в то время как ножны вечно украшают пышными кистями, требуя к себе особого внимания. Самым странным было то, что третий принц, будучи стражем, обладал таким... неуживчивым характером.

Дворецкий загадочно умолк, оставив помощника в недоумении. Наконец, старик махнул рукой:

— Это все дела военных... лучше займись своим полом!

При мысли о несносном нраве принца, описанном дворецким, помощник принялся тереть пол с удвоенным усердием.

Замигал голографический экран: пришло время встречать их капризного и высокородного гостя.

Старый дворецкий погладил белую бороду, отдал распоряжение роботам-уборщикам еще раз начистить до блеска ковер из меха снежной антилопы, разложил пуховые подушки на кушетке, проверил настройки режима королевского ухода и, убедившись в мягкости, с довольным видом вышел из спальни и почтительно замер у дверей.

Антигравитационный лимузин плавно остановился у входа. Из него вышел страж: темно-пепельные волосы слегка завивались, рост средний, но из-за худобы он не казался низким. Бледная кожа, глубоко посаженные темные глаза — глубокие тени под ними выдавали хроническую бессонницу, характерную для аристократии, и придавали его утонченному лицу болезненный, изможденный вид.

Помощник украдкой взглянул на него и сглотнул: сразу видно — с этим лучше не связываться.

Даже выглядя так, будто его может сдуть ветром, принц Хоман двигался с той особой грацией, свойственной старой английской аристократии. Опущенные веки скрывали насмешку, а в голосе звучала нарочито вежливая холодность:

— Благодарю за внимание. Надеюсь, в течение этого года я не доставлю вам лишних хлопот, дворецкий.

У дворецкого дернулся уголок рта:

— Благодарю ваше высочество за милость. Прошу, следуйте за мной в покои.

Принц выглядел утомленным после долгого путешествия и, кивнув, больше не проронил ни слова.

В этот момент из машины выбрался черный, как смоль, дракончик размером с человеческую руку. Дворецкий напрягся: даже от такого, казалось бы, безобидного существа исходила аура, от которой по спине пробежал холодок. У каждого стража есть духовный зверь — частица его души, обладающая собственным сознанием и способная говорить.

Черный дракончик вел себя так, будто никого вокруг не существовало. Он, не дожидаясь хозяина, взмахнул крыльями и устремился напрямик в спальню принца.

Увидев, что дракон полностью игнорирует всех присутствующих, даже самого принца, на безупречном лице Хомана наконец промелькнула трещина. Он процедил сквозь зубы:

— Саймон!

Очевидно, Саймоном звали этого наглого зверька. Услышав гневный окрик хозяина, Саймон даже не обернулся — он с видом мученика, идущего на эшафот, врезался в дверь спальни.

Опытный дворецкий продолжал смотреть прямо перед собой, покорно ожидая принца. Хоман сжал кулаки, его глаза, словно лезвия, метнулись по сторонам. Убедившись, что никто не смеет поднять на него взгляд, он неспешно проследовал в спальню, куда уже ворвался Саймон.

Дворецкий сохранял внешнее спокойствие, но внутри у него все клокотало. Слухи о том, что третий принц обладает могучим духовным зверем, но совершенно не способен его контролировать, оказались правдой.

Принц Хоман, чья самоуверенность была лишь ширмой для слабости, сделал неверный шаг и с громким стуком растянулся на полу. У дворецкого глаза на лоб полезли, и он, забыв о своих старых костях, бросился помогать принцу.

Лицо принца позеленело:

— Кто, черт возьми, натирал здесь пол?!

Помощник, который так старательно выполнял свою работу, даже представить не мог, что идеальный блеск пола станет его главным грехом.

После долгих усилий, когда принц наконец успокоился, дворецкий увел расстроенного помощника прочь.

В спальне Саймон занял половину огромной кровати, не оставив хозяину ни клочка места. Хоман тяжело опустился на подушки, которые дворецкий так тщательно взбивал.

Непослушание Саймона было ожидаемым. В народе ходили слухи о хилости принца, и дело было не только в его теле — недоразвитый духовный зверь Саймон был главной причиной. Талант духовного зверя зависел не только от боевой мощи, но и от степени связи со стражем.

Хотя официально это не подтверждалось, считалось, что чем раньше зверь достигает зрелости, тем сильнее связь. А принц Хоман, чей зверь не подавал признаков взросления уже двадцать лет, был редким исключением даже для королевской семьи.

Мало того, что связи не было, так Саймон еще и не чувствовал хозяина. Если честно, без крайней необходимости он вообще не обращал на Хомана внимания... Это означало, что принц не мог подавить волю дракона, и тот делал все наперекор: приказываешь идти на восток — летит на запад, велишь ловить мышей — он гоняет собак.

Хоман, чей характер и без того оставлял желать лучшего, был готов захлебнуться желчью от ярости. Его глаза чернели от усталости, а Саймон все никак не хотел настраиваться с ним на одну волну.

Если бы Хоман хотел просто прожигать жизнь, купаясь в роскоши, это было бы полбеды. Но он был амбициозным принцем, мечтавшим о троне. Он с юных лет плел интриги, переманивая на свою сторону дворян и вельмож. И вот теперь, когда пришло время действовать, он застрял на месте из-за проблемы с духовным зверем.

Хоман нахмурился, и эта морщина уже не разглаживалась.

Когда последний робот-уборщик покинул комнату, принц бросился в ванную и его вырвало в раковину. Саймон, будучи драконом, с невероятным презрением изогнул хвост, выражая свое полное пренебрежение.

Хоман с рождения был слаб, но чтобы его стошнило от нагрузки при перелете на антигравитационном лимузине... это был новый рекорд среди стражей. Впрочем, слово «слабый» сейчас было трудно применить к Хоману. Больше, чем его физическая мощь, людей интересовали его научные достижения, доказывающие, что грубая сила — не единственный путь. Но в мире стражей, где превыше всего ценилась физическая мощь, научные изыскания считались чем-то недостойным. Поэтому для «боевого» дракона Саймона любая техника была пустой тратой времени.

Саймон выпустил из своих маленьких ноздрей струю пара, полностью соглашаясь с этой мыслью. Закатив глаза, он снова отвернулся, не желая даже смотреть на хозяина.

Дракон, у которого не было ни капли взаимопонимания с владельцем, вскоре захрапел так, что стены задрожали. Голова Хомана гудела, брови сплелись в тугой узел. Он всегда спал чутко, и при таком шуме было невозможно не то что выспаться, но и просто отдохнуть.

Саймон спал мертвым сном, и, вероятно, лишь звон монет или блеск драгоценностей могли его разбудить. Хоман открыл глаза, потряс головой и снова их закрыл.

Дворецкий, вынужденный глотать обиды, и «великодушие» принца Хомана встретили эту ночь под грохот храпа дракона, сотрясающий весь дворец.

Ночь прошла без сна.

Принц Хоман поднялся с кушетки, тяжело опустив голову. Темная, как чернила, кристаллическая подвеска на его шее тускло мерцала в полумраке.

<http://bllate.org/book/19385/1896219>